

ИВАН ЕВСЕЕНКО

КАРАТЕЛИ

РАССКАЗ

Историю эту рассказал мне много лет тому назад в городе Курске старый солдат и партизан Иван Родионович Калиновский. После службы в армии я учился тогда в Курском пединституте, а он работал комендантом студенческого общежития. В укромной его комнатке-кабинете мы неожиданно и сошлись с ним, несмотря на большую разницу в возрасте.

До войны Иван Родионович жил в маленьком белорусском городке-местечке на берегу реки Припяти, занимал там высокую должность председателя горисполкома.

Когда началась война, он решил уйти на фронт добровольно. Ещё в конце двадцатых годов Иван Родионович окончил танковое училище, целых семь лет служил на Дальнем Востоке лейтенантом и старшим лейтенантом, но потом в стычке с самураями получил ранение, вынужден был демобилизоваться и вместе с женой и тремя детьми вернулся на родину. Рана его в родных местах быстро зажила, затянулась, Иван Родионович уже и думать о ней забыл, и теперь, подавая пример другим горожанам-мужчинам, одним из первых записался в добровольцы.

Но его вдруг вызвал к себе секретарь райкома партии и сказал, что поступило секретное указание вышестоящих партийных инстанций организовать на случай оккупации (а дело к тому и двигалось) в близлежащих лесах

ЕВСЕЕНКО Иван Иванович родился в 1943 году в селе Займище Щорского района Черниговской области. Работал учителем в сельской школе, служил в армии, учился в Курском педагогическом институте. В 1973 году окончил литературный институт им. А. М. Горького. Автор многих книг прозы. Лауреат литературных премий им. И. А. Бунина, им. А. П. Платонова, им. И. С. Тургенева "Бежин луг". Член Союза писателей России. Живёт в Воронеже

партизанский отряд. Командиром отряда назначен уполномоченный НКВД по их району. Он уже подбирает кадры. Заместителем же ему решено рекомендовать Ивана Родионовича как человека в недавнем прошлом военного.

Отказаться от партийного поручения Иван Родионович не посмел. Раз партия направляет его в партизаны, он готов идти и в партизаны, лишь бы беспощадно бить напавшего на их советскую Родину врага.

Вдвоём с уполномоченным НКВД они выбрали в сосновом урочище за непроходимым топким болотом стоянку будущего партизанского лагеря, завезли туда скрытно по ночам продовольствие и оружие, договорились о сроках явки, если город будет занят врагом.

Случилось это совсем скоро. Иван Родионович едва-едва успел эвакуировать с последними эшелонами на восток жену с тремя малолетними детьми (всю войну он не имел с ними никакой связи, не знал даже — живы они или нет), а сам ушел на место сбора партизанского отряда.

Увы, кроме него, явились туда ещё только два человека: уполномоченный НКВД и бухгалтер из райпотребсоюза, которого на фронт не призвали по случаю близорукости. Остальные столь тщательно подобранные и проверенные уполномоченным кадры бесследно куда-то исчезли: то ли отступили вместе с частями Красной Армии, то ли затаились в городе и по окрестным деревням. Но самое обидное, что вместе с этими кадрами исчезли из лесного укрытия все запасы продовольствия (оружие, слава Богу, осталось). Так что недели две в партизанском отряде Ивану Родионовичу и его товарищам приходилось думать не столько о борьбе с врагом, сколько о собственном пропитании.

Они совсем было пали духом и отчаялись. Но постепенно малочисленный их отряд пополнился выходявшими из окружения бойцами и командирами Красной Армии, не успевшими эвакуироваться партийными и советскими активистами, пришли и несколько человек из ранее отобранных в партизаны уполномоченным НКВД, вдоволь наглядевшись, как зверствуют на оккупированной территории немцы и их подручные — полиция.

А уж зверствовали они так, что и подумать было страшно.

В городке-местечке жило много евреев. Немцы и полиция собрали их на городской площади, повели оттуда под усиленной охраной к реке Припяти, загнали в воду и расстреляли из пулеметов и автоматов. Судя по всему, такое изуверство было у них опробовано давно: для расстрельщиков удобно и необременительно — не надо заботиться о могилах, возиться с трупами. Река скроет убитых и унесёт вниз по течению.

Иван Родионович вначале не поверил рассказам вновь прибывших в отряд партизан. Немцы, конечно, враги, захватчики, думал он до этого, но всё ж таки люди, человеки. А коль люди и человеки, у которых у самих есть отцы, матери, жены и дети, то с подобными себе людьми и должны поступать по-человечески. По крайней мере, с мирными безоружными жителями.

Иван Родионович не боялся опасности и решил самолично проверить все слухи. Запрятав в карман пистолет, он пошёл в город, хотя уполномоченный НКВД, командир отряда, и отговаривал его: Ивана Родионовича в местечке знал любой и каждый, и уж добровольные охотники выдать его немцам нашлись бы. Но Иван Родионович пошёл.

Соседями его по дому была еврейская семья Уманских. Главу семьи, Михаила Савельевича, ещё в июле призвали на фронт, а жена его, София, Соня, с двумя детьми-подростками осталась в городе, работала продавщицей в железнодорожном продовольственном магазине. В последние перед оккупацией дни Иван Родионович советовал ей уехать в эвакуацию, обещал помочь с посадкой в эшелон. Но Соня была женщиной робкой, нерешительной, всё сомневалась — ехать не ехать (терпеливо ждала письма от мужа, который надоумит её, как поступить, но письмо это где-то задержалось и никак не приходило), всё говорила Ивану Родионовичу, мол, кто её тронет, рядовую продавщицу, никогда и никому не причинявшую зла и вреда.

А вот же — тронули. Вместе с детьми-подростками погнали к Припяти и расстреляли. Дети погибли сразу, на глазах у Сони, а сама она чудом уцелела. Легко раненная, всего лишь задетая пулей в руку, упала в воду и затаилась под прибрежной ольховой корягой.

После расстрела и случайного спасения Соня по простоте своей душевной и робости не придумала ничего иного, как вернуться назад в дом.

Здесь её и застал Иван Родионович.

— Соня, — сказал он ей с порога, — уходи немедленно. Хоть сейчас со мной, в партизаны, хоть куда-нибудь в деревню, затеряйся там, скройся. Немцы тебя в местечке всё равно в живых не оставят, сама видишь.

Соня безропотно согласилась с Иваном Родионовичем, начала собирать вещи, но потом всё бросила и заплакала:

— А вдруг дети живы, вдруг они тоже где-нибудь выплыли. Как я уйду?!

Будь у Ивана Родионовича в запасе побольше времени, он Соню всё-таки уговорил бы, увёл в партизанский отряд. Но тут в дом забежал знакомый мальчишка и предупредил его:

— За вами полиция идут!

Доброхоты, похоже, действительно нашлись, увидели Ивана Родионовича в городе и донесли в комендатуру. Раздумывать и медлить ему было некогда. Он оставил несчастную Соню и огородами и задами ушёл от полицейских в лес.

А Соня, как и говорил ей о том Иван Родионович, не убереглась. Вскоре немцы устроили в местечке повторную облаву, выловили оставшихся ещё в живых евреев и членов ВКП(б), опять загнали их в Припять и всех до единого постреляли. Среди погибших оказалась и Соня. Дважды в жизни куда не бывает.

С того дня Иван Родионович мнение своё о немцах переменял, считать их за людей перестал и дал себе твёрдое обещание везде, где только можно и как только можно, уничтожать фашистских захватчиков.

Партизанский их отряд, пополнившись за счёт окруженцев, имевших уже боевой опыт, стал наносить врагу-оккупанту в окрестностях городка заметный урон: нападал на немецкие тыловые части, совершал диверсии на железной и шоссеиной дорогах, выводил из строя линии радио- и электропередачи.

Немцы сперва боролись с партизанами наскоками и в основном не своими силами, а за счёт полицейских, которых нещадно гоняли в леса небольшими разрозненными группами. Но после того, как партизаны подорвали один за другим несколько идущих на фронт воинских эшелонов, немцы встревожились всерьёз и послали против них хорошо вооружённый конный отряд. Правда, и на этот раз ещё не немецкий, а из вспомогательных, только что прибывших на Восточный фронт итальянских частей.

— Ну, итальянцы известные вояки! — с пренебрежением отозвался об их ратной доблести Иван Родионович. — Мы их взяли обманом, хитростью. В открытый бой с макаронниками не вступили, а стали теснить и заманивать в топкое, гибельное болото. И в конце концов заманили. На тяжёлых, не привыкших к нашей местности лошадях итальянцы начали в нём тонуть и к вечеру выбросили белый флаг из солдатской исподней рубахи.

Капитуляцию итальянцев партизаны приняли. Велев бросать оружие, помогли выбраться им на сушу, на твёрдое место, отвели в лагерь и заперли в бревенчатом сарае около лесного кордона. Спасли партизаны и лошадей, хотя и пришлось с ними вдосталь помучиться: иные ведь завязли в болотине и трясине по самый круп.

Победа партизан над итальянцами была полная и почти бескровная.

Но на следующее утро, едва рассвело, они крепко задумались: а что же теперь с этими пленными делать? Их насчиталось сорок четыре человека, и всех надо кормить-поить. А партизаны сами сидели впроголодь: что подадут им жители лесных мелких деревень и хуторов, да что отобьют (часто так и с потерями) у немецких обозников, тем и сыты.

— Может, отпустим их к чёртовой матери! — предложил было Иван Родионович, глядя, как итальянцы радуются, что война для них, считай, уже закончилась, что они так удачно и, главное, вовремя сдались в плен, не доехав даже до фронта.

— Как это — отпустим?! — возмутился бывший уполномоченный НКВД, а теперь партизанский командир. — Они же завтра сюда немцев

приведут, настоящих карателей. Этих с кондачка не возьмешь, в торфяное болотце не заманишь! Немцы два года уже воюют, опыта набрались, ума!

— Ну, так и куда же их девать? — крепко задумался над словами командира Иван Родионович.

— Известно — куда! — ответил тот. — На Большую землю, в глубокий тыл!

Иван Родионович вначале не понял его. Никакой связи с Большой землёй у партизан тогда не было. Но потом он быстро догадался, что командир имел в виду. “Большой землёй” у них называлось глухое еловое урочище на краю совсем уж непроходимого болота-трясины. Туда и предлагал отправлять пленных итальянцев командир. Отбирать их небольшими группами по пять-шесть человек и расстреливать на берегу трясины, которая и станет им всем братской безымянной могилой. Иного выхода у партизан просто не было, иначе итальянцы либо помрут с голоду в сарае, либо немцы через день-другой, обнаружив исчезновение конного карательного отряда, действительно нагрянут в леса большим числом и большим оружием. Они и итальянцев у партизан отобьют и самих их истребят.

Отбирая первую партию итальянцев, партизаны так и объяснили им (был среди пленных один чернобровенький, кое-что понимавший по-русски, должно быть, потомок каких-нибудь давних русских переселенцев или недавних эмигрантов), дескать, увозим вас всех в глубокий тыл, в лагерь для военнопленных, где вы будете и сытно накормлены, и обогреты. Они опять радуются, как дети. Негодуют только, почему за один раз отправляют всего по пять-шесть человек. Партизаны и тут нашлись, объяснили им вполне доходчиво: самолёты из-за линии фронта прилетают малые, “кукурузники”, АН-2, больше поднять на борт не в силах. Так что надо потерпеть немного, подождать.

— А может, всё-таки надо было отпустить их? — почти слово в слово повторил я давнее, военной, партизанский поры предложение Ивана Родионовича. Тот сразу построжал, помрачнел и теперь, спустя двадцать пять лет после войны, безоговорочно принял сторону своего командира:

— А они, что, к нам с хлебом-солью пришли?! Попадись мы тогда им в лесу, поддайся, они бы из нас таких макарон наделали, что только держись. Война, брат, дело нешуточное. Тут уж кто кого!

Иван Родионович помолчал пару минут, о чём-то задумался, а потом продолжил нашу беседу-спор, но уже как бы с другого конца:

— Нынче вот повсеместно пишут в газетах, по радио и телевизору передают и показывают, что немцы, итальянцы и мадьяры повадились ездить к нам, ищут погибших своих вояк, могилы им оборудуют. А я так тебе скажу: кол им осиновый, а не могилы.

Подобные непримиримые слова мне в те годы доводилось слышать и от многих других фронтовиков, и от наших матерей, переживших войну на оккупированной территории. Немцев, итальянцев и мадьяр-венгров они тоже не жаловали, брататься с недавними своими врагами не собирались.

Я вроде бы и соглашался с ними, не противоречил, но потом вдруг вспоминал пропавших во время войны без вести своих отца и деда, могил которых тоже нет, и начинал горячиться, опять спорить и с Иваном Родионовичем, и с другими фронтовиками, а случалось, так и с матерью, по-школьному доказывать, что немецкие мои сверстники не повинны за развязанную Гитлером войну и им точно так же, как и мне, хочется знать, где погибли и где похоронены их отцы и деды.

— Ну, ну, — только и отвечал на всю эту мою запальчивость Иван Родионович и поглубже затягивался папироской.

...Военная его судьба, как он сам не раз о том говорил, сложилась в общем-то удачно: прошёл всю войну и жив остался, уцелел.

Партизанский отряд, в котором Иван Родионович начинал ее, к холодам, к зиме постепенно распался. Многие командиры и бойцы Красной Армии, приставшие к народным мстителям, решились всё-таки пробиваться к своим, через линию фронта. Партизанская мелкая война, без тыла, полновесного обеспечения боевыми припасами, обмундированием и продовольствием, была не по ним. Командирам хотелось размаха и громких побед,

а рядовым бойцам как раз полновесного обеспечения. К тому же и потери в партизанском отряде были ощутимы. Несколько человек погибли в боях с немецкими карателями, которые после случая с итальянцами взялись за них по-настоящему, и на железной дороге во время диверсий и подрывов, были и дезертиры, чего уж тут скрывать.

Связь с подлинной Большой землёй партизанам наладить никак не удалось, а без такой связи ждать им помощи и руководства было неоткуда. Повременив ещё неделю-другую, они разбились на мелкие группы по три-четыре человека и тоже приняли решение переходить линию фронта.

Ивану Родионовичу повезло. В районе Старого Оскола, под Белгородом и Курском он ещё с двумя бойцами пересёк линию фронта и предстал перед командованием артиллерийского дивизиона. И тут вдруг обнаружилось, что у Ивана Родионовича нет с собой военного офицерского билета. Паспорт, партийный билет и даже удостоверение шофера были, а военный билет где-то обронился, выскользнул из кармана во время блужданий по лесам и прифронтовым дорогам.

Выручили Ивана Родионовича шоферские права. Командир дивизиона назначил его водителем на изрядно уже потрепанную в боях при отступлении бортовую машину ЗИС-5, которую солдаты за её выносливость и безотказность уважительно называли между собой “Захаром Петровичем”.

— Тем я и спасаю, тем и уцелел, — всегда вспоминал добрым словом командира артдивизиона Иван Родионович. — Подвезёшь снаряды и скорее в тыл, подальше от передовой.

Но это он просто скромничал, а на самом деле и на “Захаре Петровиче” досталось ему ничуть не меньше, чем другим солдатам — пехотинцам, танкистам или артиллеристам. Прошёл Иван Родионович через Сталинградскую и Курскую битвы, в первых эшелонах форсировал Днепр, побывал даже в Войске Польском, куда в сорок четвёртом году, переодев в конфедератки, откомандировали многих советских солдат и командиров с украинскими, белорусскими и еврейскими фамилиями, схожими с польскими. Попал туда и Иван Родионович Калиновский на “Захаре Петровиче”. Потом, правда, после очередного ранения счастливо оказался в родной своей части — и уже офицером.

В Белоруссии, к немалому удивлению Ивана Родионовича, его военные учётные документы сохранились, и он был восстановлен в офицерском звании.

После Победы Иван Родионович отыскал в далёкой Мордовии жену и детей, списался с ними и вернулся в родной свой белорусский городок-местечко. Его снова избрали председателем горисполкома, но проработал он в этой должности совсем недолго.

— Не дали мне там жить! — в сердцах признавался Иван Родионович.

Я понапрасну не терзал его расспросами, кто и почему не дал, видя, как тяжело и трудно Ивану Родионовичу говорить об этом. Но встреча за встречей, беседа за беседой, и всё выяснилось.

Не успел он вернуться домой, не успел заняться восстановлением совершенно разрушенного и сожжённого городка, как на него посыпались письма и доносы в вышестоящие партийные и советские инстанции.

Писали их по большей части те радетели и смельчаки, что осенью сорок первого года не явились в партизанский отряд, а отсиделись в погребах по сёлам и хуторам. В чём только они не обвиняли Ивана Родионовича. И в том, что из лесного тайника неведомо куда исчезло продовольствие, и в том, что партизанский отряд распался, и даже в том, что Иван Родионович, будучи председателем горисполкома, вовремя не эвакуировал из города еврейское население. Он терпел все эти наветы года полтора, а потом собрал семью и уехал в город Курск, который освобождал в сорок третьем году и который, несмотря на разруху, так понравился ему своей тишиной и уютом, своими речками, Сеймом и Тускарью.

Потеснее сдружившись с Иваном Родионовичем, мы пристрастились с ним ходить на рыбалку, иногда даже с ночёвкой. Иван Родионович очень любил эти ночные походы-вылазки. Но и с удочками в руках мы не переставали вести затяжные беседы и воспоминания о войне, к которой оба были при-

частны: он воевал в партизанах и на фронте, а я родился в самый её разгар на оккупированной территории.

И вот однажды, поглядывая на речную заводь, на поплавок из гусяного пера, Иван Родионович вдруг возьми и скажи:

— Я бы из этой Германии озеро сделал!

Никогда прежде мне подобных речей и высказываний слышать не приходилось. Воспитанный с малых, пионерско-комсомольских лет в интернациональном духе, я опять начал горячиться, доказывать Ивану Родионовичу, как учили меня и в школе, и в институте:

— Немецкий народ не виноват! Это Гитлер развязал войну!

— А ты детей-младенцев, распятых на бревенчатом доме под Минском, видел?! В Освенциме и Майданеке был, зарытых живыми в землю наших раненных солдат откапывал?! — упор спросил меня Иван Родионович. — Это, что, Гитлер делал? Нет, это всё как раз немецкий народ и делал, вчерашние его рабочие и крестьяне!

Распятых детей-младенцев мне видеть, конечно, не доводилось, не доводилось откапывать заживо погребенных, не был я ни в Освенциме, ни в Майданеке.

А вот в Бухенвальде, близ немецкого города Веймара, родины великого поэта Гёте, в составе студенческой делегации был. Видел я там горы детской обуви, горы женских волос, печи крематория, которые, казалось, ещё дымятся, а рядом с ними поля, где рачительные немцы выращивали на пепле сожжённых капусту. На плацу концлагеря видел клетку из колочей проволоки, куда сажали на страшную голодную смерть провинившихся узников, видел громадную гружённую булыжниками фуру, прозванную немцами-охранниками “Поющие лошадки”. В неё узников запрягали и заставляли возить по кругу неподъемную эту фуру да ещё и на потеху охранникам распевать песни. От этого и название — “Поющие лошадки”. В бывшем кабинете начальника лагеря видел чучело поляка, слушал в Веймаре в кафе рядом с мемориальным “Домом Гёте” уклончивые рассказы пожилых немцев о том, что они ни сном ни духом не знали о существовании у них под боком, всего в нескольких километрах от города концлагеря Бухенвальд. Побывал я к тому времени и в белорусской Хатыни, и в черниговских и брянских партизанских деревнях, тоже сожжённых немецкими карателями дотла вместе с жителями. И всё равно пробовал сопротивляться Ивану Родионовичу, пробовал защищать немецкий народ, говорил что-то об Эрнсте Тельмане, о немецких антифашистах (недавно только прочитал обязательный в институтской программе роман Анны Зегерс “Седьмой крест”).

Иван Родионович слушал меня внимательно и терпеливо, а когда все мои доказательства иссякли, сказал ещё более жестко:

— Немецкий народ во всём и повинен! Кто кричал: “Хайль Гитлер!”, кто мнил себя высшей расой, кто держал в домах рабов со всей Европы? Не твои ли хваленые антифашисты?!

Ответить мне Ивану Родионовичу было нечем. А он, закутив папироску, перезакинул удочку и произнёс давно, похоже, обдуманное им слово:

— Да будь у нас во время войны атомная бомба, мы бы в два счёта бросили её на Германию!

— Американцы бросили на Японию и чего добились?! — вспыхнул я.

— Ну, во-первых, — легко разрушил мои доводы Иван Родионович, — в том не было никакой военной необходимости. А во-вторых, американцы не столько японцам мстили, сколько пугали нас. Мы же в сорок пятом году, когда штурмовали Берлин и положили там сотни тысяч наших солдат, чёрта-дьявола на Германию бросили бы!

Я совсем растерялся, не зная, что и как возразить Ивану Родионовичу. Не принято тогда было так высказываться и так мыслить, все за дружбу народов ратовали, обвиняя в войнах и преступлениях одних только гитлеров да муссолини. Иван Родионович опять подёргал, пошевелил удочку и, словно подводя итог нашей непростой беседы, сказал:

— Ты что, думаешь, в будущем не возможны новые концлагеря, новые Освенцимы и Бухенвальды, новые распятия, новые расстрелы и поголовное

истребление ни в чём не повинных людей?! Ещё как возможны! Человеческие страдания забываются через два поколения. О войне помним мы, её участники, да вы, родившиеся в войну, а последующие поколения всё предадут забвению и готовы уже будут воевать заново. Попомнишь моё слово...

* * *

С тех пор прошло более сорока лет. Я теперь намного старше, чем был Иван Родионович в середине шестидесятых годов. На горьком опыте поумнел, перестал горячиться, верить книжкам, газетам, радио и телепередачам. Наблюдая за нынешней жестокой жизнью, едва ли не каждый день поминаю я Ивана Родионовича, его пророческие слова. Всё так и случилось, как он предугадывал. По всей земле ведутся большие и малые войны: есть и новые концлагеря, и новые распятия, и новые тысячи и сотни тысяч расстрелянных, потопленных, заживо погребённых и сожжённых мирных людей, есть и ещё много чего пострашней... А вот озера на месте страны, развязавшей преступную войну, что-то нигде не видно! Не видно и ни одного осинового кола на могилах карателей-убийц! Все они по большей части обихоженные, прибранные, с ладненькими гранитно-каменными надгробиями да ещё, случается, и с сердобольными цветочками поверх тех надгробий!

И пока озера и осинового кола нет, не будет на земле ни мира, ни покоя, не будет и успокоения на том свете праведной душе старого русского солдата и партизана Ивана Родионовича Калиновского.